

P
K 72

Владимир Коянто

Олени бежали к морю

Р
К 72
Владимир Коянто

(Косыгин)

Олени бежали к морю

Стихотворения и поэмы

Рассказы

Главы из романа
«Родной ветер»

Дневники

Эссе

Сопки серебристые
На горах морей.
Тундры наши мишистые,
Ягодный ковер.
Не окривела ли речка
Начинает бег?
И назвала ту речку
Струйкой человек.
Звонкая струится,
Чистая всегда.
Свежая струится,
Струйка моя.

Петропавловск-Камчатский

Камчатский печатный двор

Книжное издательство

2002

УДК 882

ББК 84(2 Po-Рус)6

К 76

Национальная

областная библиотека

ИНВ. 1123169

Выражаю искреннюю благодарность
губернатору Корякского автономного округа
Владимиру Александровичу Логинову
за помощь в издании моей книги.

В. Коянто

14 марта по 1 мая 1963 года

Дневники

Последняя репетиция на родной камчатской земле. В областном центре, где ровно год тому назад наша корякская самодеятельность демонстрировала свое мастерство, мы даем прощальный концерт на площадке Петропавловск. Работные суверены, строители, охотники-рыбаки желают нам успеха и больших успехов на столичной сцене.

Прощаться всегда грустно. Я смотрел на наших артистов, на юзав на ребятами, и мне было больно и понятно их волнение. Большинство из них съездо в Москву впервые. И запомнить чистоту, культуру, искусство народов Севера округа и Камчатки всем, нашей страны Уйканы! А еще — обратить внимание на красоту Восточного сибирского сибирской культуры самодельности на сцене театра съездом, большой сцене.

Москва! Я много раз бывал в столице и каждый раз восхищался ее красотой и величием. И когда кто-нибудь из наших спрашивал меня о ней, я с любовью и восхищением цитировал молодого Терминского: "Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его террасных переходов, ни пыльных дворов его величия невозможно. Надо влезть, впасть. Надо почувствовать все, что они говорят: сорву и выстрелю".

Мы летим в Москву. Горюжане, динели гостиный дом "Восток" — наши земляки, желали успеха, искренне радовались за нас и, как нам казалось, чутко улавливали. Ну а мы волновались...

Утром, 13 марта, провожать нас пришли: первый секретарь Камчатского обкома партии Михаил Амфилохович Орасов, заместитель председателя облисполкома Николай Иванович Акимов. Они пожелали нам счастливого пути, успеха в столице, и мы с гостями на двух автомобилях выехали в аэропорт.

Красавцы ТУ-104! И как к нему шла непрерывное подрастающее поколение сингапарата и фотоаппараты наших "лобастых корреспондентов" Алены Чадласа и Семени Григорьевича. Собственно

1965 год

14 марта по 1 мая 1965 года

1. ЛЕТИМ ЗА ДНЕМ

Последняя репетиция на родной камчатской земле. В областном театре, где ровно год тому назад наша корякская самодеятельность демонстрировала свое мастерство, мы даем прощальный концерт для молодежи Петропавловска. Рабочие судоверфи, строители, моряки-рыбаки желают нам удачи и больших успехов на столичной сцене.

Прощаться всегда грустно... Я смотрел на наших девушек, наблюдал за ребятами, и мне было близко и понятно их волнение: большинство из них ехало в Москву впервые. И защищать честь, культуру, искусство народов Севера округа и Камчатки всей, нашей страны Уйкоаль! А еще — оправдать звание лауреатов Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности на сцене Дворца съездов, большой сцене!

Москва! Я много раз бывал в столице и каждый раз находил ее красивее прежней. И когда кто-нибудь из наших спрашивал меня о ней, я с любовью и волнением цитировал молодого Лермонтова: "Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно. Надо видеть, видеть. Надо чувствовать все, что они говорят сердцу и воображению".

Мы летим в Москву. Горожане, жители гостиницы "Восток" — наши земляки, желали успеха, искренне радовались за нас и, как нам казалось, чуточку завидовали... Ну а мы волновались...

Утром, 15 марта, провожать нас пришли: первый секретарь Камчатского обкома партии Михаил Анатольевич Орлов, заместитель председателя облисполкома Надежда Игнатьевна Алькова. Они пожелали нам счастливого пути, успехов в столице, и мы с песнями на двух автобусах выехали в аэропорт.

Красавец ТУ-104! Идем к нему под непрерывное потрескивание и шелканье киноаппарата и фотокамеры наших "собственных корреспондентов" Алеши Чаадаева и Семена Трапезникова. Собствен-

ных, потому что Леша — наш балетмейстер, а Семен — секретарь окружкома комсомола.

Очень милая стюардесса приветствовала нас на борту лайнера. Каждый из нас посчитал, что ее улыбка предназначалась только ему. Уж такой мы народ мужицкий.

Летим на Запад. Летим вслед за днем, прощаясь с Петропавловском, красавицей Авачинской бухтой, тремя братьями-скалами: "До скорой встречи, Родная земля. Мы несем наш камчатский день в своих сердцах к тебе, столица".

И сквозь гул турбин до меня отчетливо доносится голос Шуры Уркачан — солистки из того, Гошиного ансамбля:

И здесь, где гаснут гребни
Волн косые,
Где самый первый
Высится Маяк,
Отсюда начинается Россия,
Двенадцать тысяч верст за ним тая!

Это стихи нашего камчатского поэта-журналиста Володи Воробьева. Шура иногда ими открывала наши концерты. Голос у нее сильный, звонкий...

2. МИМОЗЫ — ЭТО ВЕСНА

Вместе с "чайками" (в нашем репертуаре уже был танец "Чайки") летела на Запад Весна... Тепло в Хабаровске, в Иркутске, Омске... А в Москве встречают нас с букетами золотистых мимоз, горячими поздравлениями, встречают наши шефы — рабочие трубного завода.

Удивило и радио аэропорта Домодедова: тоже поздравило с прибытием и пожелало успеха.

Наш путь в празднично разукрашенных автобусах в гостиницу "Золотой колос".

— Золотые мимозы! "Золотой колос!" — шутит кто-то.

— Не хватает только нам "золотого" успеха! — подхватывает шутку другой.

У входа в гостиницу Маркел Мохнаткин, наш знатный рыбак и артист, дарит букет мимоз администратору гостиницы.

— Это от коряков!

— Ой! Спасибо! Только вот хочется знать, где эти коряки живут?

— На Камчатке! — словно сговорившись, хором отвечаем мы.

— Маркел-то, Маркел-то?! — удивляются наши девочки. — Сразу видно что рыбак, знает, куда удочку бросить!

— Мы и танцы умеем дарить! Мы и песни умеем дарить! И сказки рассказывать! — Леша-Оккеля из сказки, поддержал Маркела...

Первая московская ночь. Коряки не спят: разница во времени, да и гостиница, непривычно как-то. Чукчи, им немного легче. У них ансамбль поменьше нашего и все родственники. Решили жить в одной большой комнате. Вот и бубнят в свои китовые бубны всю ночь...

Завтра свободный день и многие хотят познакомиться с Москвой: с Кремлем, с Красной площадью, услышать бой курантов на Спасской башне.

3. ПЕРВЫЕ РАДОСТИ И ОГОРЧЕНИЯ

Москвичей, по-моему, трудно чем удивить. Это мы часто слышали у себя дома, в Корякии, в Хабаровске и, конечно же, в Москве. Наверное так оно и есть. Ведь Москва — столица великого государства... Вот именно это не давало нам расслабиться, мы были в напряжении.

После однодневного отдыха всех артистов дальневосточной зоны пригласили выступить перед ударниками коммунистического труда и передовиками производства Киевского района столицы. Во всю шла подготовка к мартовскому Пленуму партии.

Новый, быстрорастущий район, красивый Дворец культуры имени Горького. Знакомимся с программой. Нашему ансамблю выпала честь завершать концерт. Это очень почетная миссия. Собрали рабочую пятиминутку, отобрали самые лучшие номера.

Зритель, какой бы он ни был, всегда волнует, ну а московский...

Приехали во Дворец задолго до концерта, чтобы провести небольшую репетицию-разминку, освоить сцену. Тут уже и буряты со своим оркестром, и нанайцы с куклами и палками, и чукотско-эскимосский ансамбль с именитым Нутетегиным. В Хабаровске мы были соперниками, а здесь нам всем выпала честь защищать всю дальневосточную зону.

Еще свежи в памяти встречи в Хабаровске, на творческой конференции народов Севера, куда меня заманил Гамул Поротов в 1963 году.

У бурятов тогда еще не было своего оркестра, у нас еще не родились такие танцы, как "Молодость", "Нерпы", "Норгали", "Хололо"...

Свежи в памяти картинки на семинаре работников Домов творчества в Москве, когда нас, группу из Корякии, попросили исполнить корякский танец. Было это в банкетном зале. Плясать-то мы умели, а вот под какую музыку плясать? Подхожу к оркестрантам: "Давайте русскую "Из-под дуба, из-под вяза". Грянул оркестр. Пус-

тились мы в пляс. Да так отгрохали "Норгали" под русскую музыку! Подходит к нам руководитель семинара и громко:

— А мы все гадаем да изучаем, откуда произошел рок-н-рол?! Коряки его создали! Ай да коряки!

Конференция 1963 года помогла нам. Гоша-Гамул стал писать музыку для корякских и ительменских танцев; Татьяна Петровна Лукашкина и ее учительница Татьяна Федоровна Петрова-Бытова — ученица Айседоры Дункан, создали много новых танцев; ительменский композитор Борис Заев, чьи песни высоко оценил русский композитор-песенник А. Аверкин, получил за свои произведения звание лауреата Всероссийского смотра...

Теперь мы повзрослели! Никогда еще в истории 35-летней жизни нашего округа коряки не представляли свое мастерство в столице ансамблем в 25 человек...

Выступают буряты. Мы волнуемся, ведь за нами пойдут, вернее — поплывут наши "Нерпы".

Поймут ли этот танец москвичи? Кто расскажет им, что нерпы очень музыкальные животные? Помню, когда в Палану впервые приехала Татьяна Федоровна Петрова-Бытова на 30-летие округа, она специально ходила на берег Охотского моря, чтобы убедиться в этом. Поют они с Лукашкиной на берегу, а на их мелодию плывут нерпы и слушают, слушают. Вот и создали они танец "Нерпы".

Сейчас в Москве модные шапки и шубы из меха нерпы! Поймут!

Открылся занавес, поплыла музыка Бори Заева, и вышли из пучины морских вод нерпы. Огромный зал рукоплескал: "Бис! Бис!"

Приняли! Поняли! И не отпускают! Это была большая заявка на дальнейшую работу в Москве.

"Чайки", "Топорок" Анисима Северина; мой "Веселый пастух" и "Молодость" Даниила Яганова — все это подытожил Гавриил Яганов — слепой певец Корякии, которого выводила на сцену Мария Яганова, его племянница, солистка ансамбля. И как заключительный аккорд — "Норгали" с участием самой маленькой танцовщицы Люси Колеговой. Зал встал... Зал не отпускал нас. Кто-то из зрителей взял Люсю на руки, и она спустилась к зрителям, отплясывая "Норгали". Это было олицетворение молодости нашего ансамбля.

Москвичи по достоинству оценили выступление ансамбля. И, немного осмелев, мы с новой энергией стали готовиться к главному событию — смотр-конкурсу.

Очень доброжелательное и в то же время строгое жюри смотра: народные артисты СССР И. Туманов и Т. Устинова; народные артисты РСФСР А. Новиков — композитор, и В. Соколов — знакомы нам по Хабаровску; представители Министерства культуры республики и Совета Министров РСФСР Стриганов и Кочемасов.

В зале, где сидят члены жюри, хлопки не положены. Но как было приятно нам, когда даже жюри не удержалось от восторга, и зал, до этого такой строгий, разразился бурными аплодисментами.

За нас переживали и все дальневосточники.

Для выступления на самой большой сцене Кремлевского Дворца съездов нам отвели всего... 11 минут, а это как раз вся наша сюита.

Отрадно, что выступление приурочено к двум историческим датам: в космос слетали Беляев и Леонов, а в Кремле начал работать мартовский Пленум ЦК КПСС. История...

4. ЧАЙКИ ЛЕТЯТ НА БИС!

22 марта 1965 года. Кремль, Москва.

Репетиции в Кремлевском Дворце съездов сегодня. Заключительный концерт перенесен на 25 и 26 марта. Времени мало, работы много.

Дворец — одно из наиболее современных сооружений в Москве.

Он был построен рядом с Троицкой башней в короткий срок (1960-1961 гг.). Проект разработан группой архитекторов во главе с Пасохиным. Основная часть — зрительный зал, который вмещает около шести тысяч зрителей. Стены покрыты багетом тона светлого дерева, который использован как своеобразный орнамент и для отделанного металлическими листами огнестойкого занавеса с применением синего и красного цветов. При строительстве были пущены в ход самые современные отделочные материалы, как пластик, алюминий, зеркальные стекла. Сам Дворец поэтично вписан в архитектурный ансамбль древнего Кремля. Он не возвышается над Кремлем.

На репетиции приезжаем отдельными группами к назначенному часу строго. Все службы Дворца: столовые, кафе, буфеты, лифты работают на нас. Для каждой делегации представлены комнаты для отдыха. Самое интересное — это общение с артистами других областей, округов. Учимся друг у друга, дарим свои песни и танцы, обмениваемся адресами.

Широкие вертикальные окна Дворца хорошо связывали нас с окружающим пространством, а по сцене словно рассыпан большой букет из полевых цветов всей России: такие красочные были костюмы артистов. Потому и собирались у входа москвичи и гости Москвы, чтобы полюбоваться на этот "букет" — символ дружбы народов.

Незаметно пролетели три репетиционных дня. Режиссировать концерт было поручено народному артисту СССР Иосифу Михайловичу Туманову.

Участников много. Туманов поставил условие: каждому коллективу не более 4-5 минут. Что же делать корякам, когда у нас цельная сюита на 11 минут?

Естественно, волнуются. На сцену вышли чукчи. У них семь миниатюр. Режиссер терпеливо просмотрел их, спокойно поднялся на сцену и показал три пальца, мол, три минуты или три миниатюры?

Нашу сюиту просмотрели всю, и только на второй генеральной репетиции министр культуры Попов — российский министр, и И. М. Туманов пригласили меня и Чаадаева и очень корректно предложили:

— Постарайтесь, пожалуйста, выиграть в нашу пользу 1-2 минуты.

Мы не стали возражать, да и это было бесполезно. Ведь нам и так пошли навстречу — дали больше всех времени.

26 марта 1965 года. Москва. Кремль.

Долгожданный день — заключительный концерт. Нас предупредили, что на концерте будут присутствовать члены Правительства, гости и делегаты Пленума, иностранцы. И уже вечером, прямо перед выходом на сцену нам принесли телеграмму:

"Окружком партии и окрисполком, а также трудящиеся округа гордятся вашими успехами, желают отличного выступления на сцене Дворца съездов и благополучного возвращения домой Тришечкин, Бекерев".

И под громкое "ура!" мы спустились по лифту на сцену. Шесть тысяч зрителей, члены Правительства. Нас смотрят миллионы телезрителей в Киеве, Ленинграде, Свердловске... В зале много наших земляков, теперь уже москвичей.

Отгремел хор кубанских казаков. Опустился наш камчатский задник с золотыми рыбками — Камчатка рыбацкая. И тут снова непредвиденное: ко мне подходит помощник режиссера и шепчет:

— Концерт затянулся, если сможете, сокращайте что-нибудь еще.

— Что?

— Смотрите сами!

Убираем "Топорка" и "Чаек", выпускаем "Молодость" с Даниилом Ягановым и "Норгали" с Надей Солодяковой и Люсей Колеговой.

Трудно говорить о выступлении самому участнику, но потому, как реагировал зал, как нас вызывали на "бис" (надо заметить, что на "бис" выходить не рекомендовалось), как Туманов обнимал нас всех, мы поняли — успех!

Нас включили в программу второго заключительного концерта, на 27 марта, то есть на завтра.

27 марта 1965 года. Москва, Кремль

Помните, когда приехали в Москву, кто-то пошутил насчет "золота" — "мимозы золотые", гостиница "Золотой колос", не хватает только "золотого" успеха. Он пришел к нам этот долгожданный успех. Именно 27 марта пришел, когда мы показали москвичам всю программу-сюиту.

Вот полетели наши "Чайки", ведущий концерта режиссер Евгений Петрович Нацкий, перегнувшись через парапет своего режиссерского мостика, кричал:

— Золотой номер! Так держать! Чайки, молодцы!

А когда Мария Яганова вывела на сцену слепого певца Гавриила Яганова — своего дядю и он запел про свою Россию, шеститысячный зал встал и слушал Гавриила стоя.

Слепой певец!

Чтя предков наших,

Запев твой дорог мне:

И "Норгали" в Москве

Среди друзей мы пляшем!

О! Норгали! — это финал, а пока пошел Анисим Северин со своим "Топорком". Аниська, плотник из Паланы, кахтанинский топорок. Я до сих пор вспоминаю его выход на сцену и тоже под несмолкаемые аплодисменты.

— Ритм! Ритм какой! — это снова Евгений Нацкий.

Потом расцвела улыбка Даниила Яганова — его танец "Молодость"! И "Норгали"!

Люся Колегова, Надя Солодякова, Татьяна Петровна Лукашкина, Лев Николаевич Жирков, дядя Гриша Запороцкий, Анастасия Васильевна Гуторова, Анна Васильевна Колегова — весь наш ансамбль, вся Корякия!

5. ВОТ ОНА — НАША ПЕСНЯ!

Сегодня в гостинице, как никогда, шумно: по коридору торопливо снуют девчата, в парикмахерской — очереди. В гладильной, единственной на весь этаж, засели ребята и старательно наводят стрелки на брюках. Все участники так называемого "правительственного" концерта 26 марта приглашены на правительственный прием во Дворец съездов. У каждого пакетик с пригласительным именем и в пакетике премия за концерт — 50 рублей. (По тогдашним меркам еще ничего.)

Вот снова Кремль! Мы уже побывали в Успенском соборе, посетили Оружейную палату, осмотрели Архангельский собор. Сфотографировались у Царь-пушки и Царь-колокола. На этот раз для знакомства нам были предоставлены Большой Кремлевский дворец с его знаменитыми залами: Грановитой палатой, залом заседания Верховного Совета СССР. Мы с удовольствием отдохнули в оранжерее Кремлевского Дворца.

Банкетный зал Дворца. 1500 участников заключительного кон-

церта пришли приветствовать: народные артисты СССР Жаров, Бабочкин, Туманов, Образцов со своей куклой — ведущим, Людмила Зыкина подарила нам песню. Композитор Новиков познакомил всех с новой песней о России. А когда ведущий — министр культуры Попов объявил, что всех участников самодеятельности пришла приветствовать и благодарить Александра Пахмутова, то нам всем показалось, что вот-вот от овации рухнут стены Дворца. И мы все, не сговариваясь, запели:

Не думай, что все пропели,
Что бури все отгремели,
Готовься к великой цели,
А слава тебя найдет!

— Пахмутову! Пахмутову!

На сцену вышла маленькая, похожая на девочку, светловолосая сама Александра Пахмутова — наша песня!

Нет, никогда не стареть сердцам сибирских девчат, плившим по Ангаре, геологам, ходившим по нашей корякской тундре.

Песню "Геологи" я впервые услышал там, в Чертовой пади, в Седанкинской тундре от Юрия и Эрика — ленинградских парней, геологов, к которым привели мы с Юльты двух заблудших коней...

По-матерински, тепло и трогательно поздравляла нас Екатерина Алексеевна Фурцева — министр культуры СССР. Она выразила уверенность, что в 1967 году, в канун 50-летия Советской власти, мы снова приедем в Москву.

А когда мы уходили из Дворца съездов, то одна из сотрудниц Дворца подарила нам два необычных цветка цикламена — красный и белый.

— Какие Вы хорошие! — сказала москвичка. — Хочу к вам, в Корякию! И эти цветы, и эта милая добрая улыбка — добрая память!

6. НАВСТРЕЧУ СОЛНЦУ

Закончился смотр, но не прекратилась наша работа. Наш коллектив оставили на съемки фильма о смотре. Фильм, как нас заверил его режиссер Павлов, будет цветным. В Доме культуры сняли "Чаек", "Топорка", "Молодость" и "Норгали". Как в награду за это, кинооператоры решили повозить нас по Москве, познакомиться поближе, да и снять кое-что, как говорят, в массовках.

Солнечный день. Мы в национальных костюмах. Снимаем "Норгали" на набережной университета. Вдруг подкатывает большой автобус с иностранными туристами. В разгар съемки туристы сливаются с нами, с кинокамерами, фотоаппаратами: иностранная речь, обмен значка-

ми, возгласы: "Камчатка! О-э! Корякия! А-э! Дружба! Венгрия!"

Это была делегация венгерских туристов, прибывшая к нам на празднование 20-летия освобождения Венгрии от фашистов. И этот момент вошел в кино.

5 апреля 1965 года. Москва.

В Москве проходит заключительный просмотр Всесоюзного фестиваля молодежи. Около 1000 участников прибыли в Москву. В основном это профессиональные артисты.

Пригласили и нас. Цель фестиваля: выбрать лучшие концертные номера, ансамбли на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который должен состояться в августе этого года в Алжире.

В ЦК комсомола нас предупредили, что мы должны представить коллектив из 15 человек, но с такой программой, которую показывали на Кремлевской сцене. Посоветовавшись, мы составили такую программу и вышли на сцену Дворца культуры завода имени Лихачева. Вот программа: "Чайки", "Топорок", "Нерпы", "Веселый пастух", "Молодость" и "Норгали". И снова мы с Тумановым, и снова мы веселые и собранные, в темпе и в радости...

Прощаемся с Москвой. Немного грустно и очень много — радостно! Мы не подвели Корякию. Восемь концертов, дипломы лауреатов, грамоты Министерств культуры СССР и РСФСР, Совета Министров, памятные медали и призы.

Но мы не только выступали, мы знакомились с Москвой: посетили панораму Бородинского сражения, Третьяковку, ВДНХ, Кремль.

Мы прощаемся, летим на Родину, навстречу солнцу. Но мы еще вернемся, дорогая наша Москва.

За почти годовой период совместной работы, наш ансамбль окреп, коллектив сдружился. Жаль, что не было уже с нами Гоши, он переехал в Петропавловск, потом в Мильково, но каждый из нас чувствовал его — Гамула — рядом, ведь это его мечта была создать ансамбль. И многие теперешние участники ансамбля — его воспитанники, его находка.

Вернувшись в Палану, мы снова, в который раз, поем песню Гамула:

Чтобы дружбы нашей пламя
Не погасло вдруг,

Песенку дарю на память
Я тебе, мой друг.
Кэнакэтой! Кэнакэтой!
Помни! Помни!

Провожаем карагинцев, обнимаем ковранцев. Желаем успешной учебы студентам-артистам и верим в новую встречу. Ведь был уже Хабаровск-63, Хабаровск-65! Будет и 67-го.

Кэнакэтой! Кэнакэтой!
Помни! Помни!

1 мая 1965 года. Палана!

Телеграмма: "Камчатская область, Корякский национальный округ, Палана, танцевальному коллективу — лауреату Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности.

Управление клубных учреждений Министерства культуры РСФСР сердечно поздравляет Ваш коллектив с международным праздником 1 мая. Желаем Вам, дорогие товарищи, больших творческих успехов и счастья в личной жизни. Надеемся, что к очередному Всероссийскому смотру художественной самодеятельности, который посвящается 50-летию Советской власти и состоится в 1967 году, Вы приедете в Москву с новыми творческими достижениями.

Управление клубных учреждений (Кудряков)".

Это нам, а в лице нас — всей самодеятельности округа.

Кэнакэтой! Кэнакэтой!
Помни! Помни!

Москва — Палана, 1965 год.

Послесловие

В Алжир не поехали, там совершился революционный переворот.

Из дневника 1965 года

ПЕРЧАТКИ НУТЕТЕИНА

Новелла

*Бессмертие не в долготе,
а в прекрасном мгновении.*

М. Пришвин

Гудели семь чукотских бубнов, гудели как прибой Берингова моря, оглушая зрительный зал, завораживая, маня.

— Полет Чайки против ветра! — объявил ведущий, и на сцену не вышел, а словно взлетел над нею седовласый, приземистый, красивый танцор чукотско-эскимосского ансамбля Нутетеин.

Чайка то касалась волны, то взмывала над бушующим морем, борясь с ветром, волнами, побеждая трудно, красиво! Белые перчатки на руках-крыльях несли танцора к славе и признанию.

Зал скандировал стоя. Нутетеин слегка наклонив голову, серебристую красивую голову, потом еще раз с силой ударил по бубну и под гром оваций легкими прыжками покинул сцену.

Конечно, он не думал о славе. Она пришла к нему сама. Тут же, после концерта, я подошел к Базику Добриеву — руководителю ансамбля, и попросил его рассказать о танцоре, о том, как создавался этот великолепный танец.

— О-о! — Базик сделал резкое движение руками, присел, а потом заразительно расхохотался. — Что? Понравился танец? "Утки" хороши, а "Чайка" лучше!

И вот что я услышал...

От Анадыря до Магадана чукчи летели на ЛИ-2. В Магадане пересели на ТУ-104. И когда приземлились в хабаровском аэропорту, дедушка (так его звали все в ансамбле) Нутетеин решил полюбоваться, какая великолепная птица так быстро принесла их в красивый город. И каково же было его удивление, когда он увидел, что самолет, который принес его так быстро на Большую землю, оказался с дырками. Ведь там, в Анадыре, он сел в целый самолет, у него были крылья (так называл дедушка пропеллеры самолета), а теперь одни дырки остались. Старик даже присел от ужаса: "Что такое? Это другой самолет". Все наперебой старались объяснить деду, что он заблуждается: "Это великий самолет, быстрый, как чайка!"

Но Нутетеин не верил и все твердил: "Зачем обманываете старика? Я вижу тот самолет, только крыльев нету, одни дырки остались. Наверное, мы гибли в воздухе, а вы ничего не говорили мне! Ай-я-яй. — Качал он головой. — Зачем вы все молчали?"

И в тот же вечер на сцене Хабаровского театра драмы, где проходил Всероссийский конкурс художественной самодеятельности дед исполнял новый танец "Полет Чайки против ветра".

Великая "птица" века и времени потрясла старика, и он не мог не изобразить ее в танце.

Я поверил этому рассказу, как и верю в талант Нутетеина. И уже в Москве, куда впервые приехал этот человек, он, после просмотра цирковой программы на Цветном бульваре, ночью постучался в мой номер и беспрестанно повторял:

— Ой! Чирк (цирк) Коянто! Ой, чирк, Коянто! — он в мимике, в красивых жестах рассказывал о полете людей под куполом цирка.

И я видел, как на моих глазах рождается новый танец — Нутетеин творил.

Незабываемы и генеральные репетиции. Вот сцена покрыта белоснежным покрывалом (Дворец культуры завода имени Лихачева). Белое безмолвие, сопки, тундра, олени. Наш и чукотский ансамбли пока еще за сценой, готовимся к выходу. Волнуемся, подбадриваем друг друга. Главный режиссер концерта И. Туманов приглашает чукчей. И снова взлетает Нутетеин.

Удар по бубну, еще удар, мелодия... О! Что это?! Вместе с мелодией, которую он запел, мы все увидели, что изо рта дедушки вылетел небольшой черненький клубочек. Мы-то все знали, что это лемешинка — жвачка из махорки, без которой дедушка не мог обходиться.

— Батенька мой! — остановил знаком руки танцора Туманов. — Вы что-то потеряли? Извольте подобрать.

— Э! — дедушка спокойно положил бубен на сцену, порылся в карманах сценической камлейки, нашел ялуп-табакерку, сунул туда потерю, поклонился Туманову и снова пустился в пляс!

Всегда, где бы ни проходили наши встречи, дедушка Нутетеин, как уже все участники российской самодеятельности называли его, был для нас воплощением скромности, большого таланта. Каждый из нас почитал за великую честь постоять хотя бы рядом с ним, порадоваться его успехам, примерить его таинственные перчатки, похожие на крылья Чайки с черной оторочкой, сшитые из оленьей замши.

Мы, северяне, вместе с ним разделяли радость, когда узнали, что ему присвоено звание Заслуженного деятеля искусств. Как консультант профессионального чукотского ансамбля "Эргырон", он воспитал целую плеяду молодых способных танцоров.

Послесловие:

(Из дневника 1972 года, июнь, Чукотка)

Прошло много лет. Давно на заслуженной пенсии великие птицы времени ЛИ-2 и ТУ-104. Нет в живых и дедушки Нутетеина. Я иду по залам Чукотского окружного музея и будто снова встречаюсь с седовласым, красивым дедом: вот уголок, посвященный творчеству великого танцора. Его личные вещи: сценическая камлейка, бубен, ялуп-табакерка, до отказа набитая лемешинкой, дипломы, медали и ордена.

А на стене, под стеклом большие перчатки Нутетеина — Крылья танцора.

Невольно закрываю глаза и вижу, как наяву, летящую против ветра Чайку... О-о-о! Дедушка-а-а!

И вспомнилось вдруг детство: крутой увал, сильный ветер и Чайка над увалом то упадет, то снова поднимется. Крыльями не машет — они, упругие и сильные, несут ее против ветра...

Перчатки дедушки Нутетеина вернули меня в детство и в те времена, я снова слышу шум морского прибоя в ритмах чукотских и корякских напевов, вижу доброго дедушку, дарящего людям радость.

Нутетеина помнят в родном эскимосском селе Наукан. Его полетом любовались хабаровчане и москвичи, сибиряки и ленинградцы, продолжение его жизни — чукотский ансамбль "Эргырон".

Пройдут годы, века пройдут, но прекрасное мгновение будет передаваться из поколения в поколение и помнить будут потомки о **ВЕЛИКОМ ТАНЦОРЕ СЕВЕРА!**

Москва, Анадырь, Палана, 1965-1972 гг.

ДОЧЬ КАРАГИ

Старинное слово: Карага. Трудно сейчас найти человека, который бы мог по-настоящему объяснить его происхождение. Сколько людских судеб связано с этим дедовским и в то же время молодым корякским селом! Здесь исстари жили оленные люди — чаучу, и люди, занимающиеся морским охотничьим и рыбным промыслом, — нымыланы.

— Корана! — скажет мне старый оленевод, всю жизнь проживший в Караге. — Дом оленных людей. — И я поверю ему, потому что он много знает, много видел. — Карага! Это все равно, что коряга. Вспомни старую деревню. Напротив нее есть в речке место — корягой люди зовут его.

Он — нымылан. Пороги и коряги реки Караги ему знакомы с тех пор, как он стал помнить себя, и я не удивлюсь этому объяснению.

Карага — родина Тунню — первого корякского депутата Верховного Совета СССР Макара Михайловича Обухова. Здесь же ковался и рос неутомимый пропагандист всего передового, сподвижник Обухова — Георгий Игнатьевич Бекерев.

Я помню ту старую Карагу, посреди которой находилось бездонное круглое озеро.

— Раньше, — часто мне приходилось слышать от старых людей, — это озеро служило для жертвоприношений. Главными его хозяевами были старый и хитрый шаман Севва и его друзья-помощники — Вувше и Капыммя. Они часто говорили нам, темным людям: "В этом году будем подниматься на небо, там живет Большой отец, который кушает все только на оленьем жиру, и если вы хорошо

будете верить, то скоро все поднимется на небо, к светлой жизни и увидите своего Большого отца. Большой отец добрый-добрый, очень скоро пошлет на землю стадо с большими золотыми рогами".

Много лет ждали мои земляки подъема на небо и оленей с золотыми рогами, но так и не дождались. И не Большой отец, а Советская власть принесла счастье корякам.

Новая Карага!

Пожалуй, нет в округе такого села, где так полно не отразилась бы поистине величественная перемена в жизни коряков за сорок три года округа.

Новая Карага — это свои учителя, свои медицинские работники, свои ученые, свои артисты.

Я на всю жизнь запомню радостные светящиеся глаза маленьких карагинцев, которые перед своим большим праздником "Сорокалетним Хололо" входили в просторные классы новой школы на 320 мест, а потом, застыв от удивления, они слушали и слушали интересные рассказы о прошлом, настоящем и будущем своего села, округа от знатной своей землячки — учительницы Домны Прохоровны Правовой, на груди которой красуется высшая награда нашей Родины — орден Ленина.

Ее ученица, а теперь тоже учительница — Ирина Попова, расскажет ребятам о том, как она была участницей VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов и как вместе со своими земляками Яковом Жирковым и Семеном Трапезниковым за красивый корякский танец получила медаль, поведает о большой дружбе молодежи всех стран. А ее ученик, артист прославленного ансамбля "Мэнго", не только разучит с ребятами новый красивый танец, он познакомит маленьких карагинцев с дружественной Монголией, расскажет об удивительной Франции. Даниил Яганов тоже уроженец Караги.

В пургу, в назойливый дождь и сильный ветер, в любое время года, в любую минуту придут на помощь к своим землякам медицинские сестры Мария Яганова и Надежда Мариненко — "наши доктора" — их иначе и не зовут в Караге.

Не много ли для одного села?!

Нет, не много. На моем столе письмо от молодого корякского ученого, окончившего недавно аспирантуру Всесоюзного института растениеводства Николая Ноянова. Он первый из карагинцев окончил десять классов и поступил в Дальневосточный университет на биологический факультет. В 1967 году он был содокладчиком у видного, ныне покойного профессора-паразитолога Соболева на московском всесоюзном совещании. После окончания университета Николай вернулся в Карагу. Работал в школе, потом в райкоме комсо-

мола, но мысль об аспирантуре всегда была с ним. И он окончил ее. И я уверен, что очень скоро коряки заговорят о своем ученом-биологе.

С чего же все-таки начиналась эта звонкоголосая, счастливая, стремящаяся вперед, к еще более прекрасному будущему моя Карага?

Листаю записки — документ огромной важности в те годы, называются они "План ликвидации неграмотности среди взрослого населения Карагинского туземного Совета на пять лет".

"...В Карагинский Совет входит взрослого населения: 82 человека — оседлые и 85 человек — кочующие. Из них в возрасте от 18 до 36 лет неграмотных оседлых — 22 человека, кочующих 46 человек. Всего неграмотных — 68 человек. Все коряки. Ликвидацию неграмотности оседлого населения провести в три года начиная с 1928 года, так: в 1928 году — 8 человек, в 1929 году — 7 человек, в 1930 году — 7 человек.

Среди кочующего населения работу по ликвидации неграмотности развернуть в ближайшие пять лет, начиная с 28 года, таким порядком: в 1928 году — 8 человек, 29 год — 9 человек, 30 год — 10 человек, 31—32 годы — 10 человек...

Зав. школой И. Вдовин.

(Согласовано с Карагинским туземным Советом).

Председатель тузсовета М. Обухов".

Вот так начинали свои первые шаги в новую жизнь Гуторовы и Чечулины, Уваровы и Правовы, Ягановы и Тюменцевы, Коллеговы и Лазаревы... — прадеды, деды и отцы сегодняшней звонкоголосой и счастливой Караги.

Нет, очерк мой не будет полным, если я не расскажу в нем о человеке второго поколения Караги, ровеснице нашего округа Анастасии Васильевне Гуторовой.

Как и все скромные люди, Анастасия не любит говорить о себе. Поэтому мне чаще приходилось слушать ее маму, долгожительницу Караги — Веру Михайловну Гуторову. С приходом Советской власти в Карагу Вере Михайловне всего было пятьдесят лет. Она много повидала в своей жизни и рассказ ведет, словно сказку говорит.

"Было это давно, — напевно ведет она, — далеко, почти на самом Карагинском перевале. Стоял "Месяц молочных важенков". Днем сильно грело солнце и журчали ручьи, а вечером и ночью твердел и настился снег, в тундре появлялись белоногие олени и оживали карликовые березки, и новые роднички ударили из-под земли.

Солнце редко уходило с небосклона. Вот тогда и родилась Анастасия..."

— Анастасия Васильевна! — так зовут ее все взрослые карагинцы. — Тетя Настя! — называют с любовью дети.

И нет в селе Карага человека, который бы не знал ее, не обращал-

ся бы к ней. Анастасия Васильевна не только ровесница и дочь Караги. Она еще и глава села — много лет председатель сельского Совета.

Вспоминаю себя мальчишкой. Тогда я учился в Караге, и, как и все мои сверстники, гордился рыбачкой Настей, первой женщиной корячкой, отважившейся выйти рыбачить в море. Трудное было время — война!

Строилась и росла Карага. Настя — активистка в комсомоле. Соборания, доклады и лекции, интересные клубные вечера.

Потом партийная работа... И всегда — учеба.

Мне никогда не забыть и владивостокские встречи. Студенты — коряки и камчадалы — всегда желанные гости у тети Насти — слушателя Владивостокской партийной школы. Наши встречи были всегда большим праздником: тогда мы не только вспоминали свои родные места, но и получали от тети Насти и дяди Пети — ее мужа — не только моральную, но и материальную поддержку. И, как всегда, наши встречи кончались любимыми песнями и родными корякскими плясками. Тогда мы устраивали маленькие "Хололо". Запевалой нашего праздника всегда была тетя Настя.

— Приятно сознавать, что строительство новой школы, просторного красивого интерната, работа сельского Дома культуры и многих других государственных учреждений Караги — все это создавалось при твоём участии, — говорит глава села Анастасия Васильевна Гуторова. И эта радость всегда с ней, с ее земляками: колхозниками, учителями, врачами ее родного села.

Еще я помню ее и ценю как неугомонную танцовщицу и создательницу корякских танцев. Пишу о ней, а мысли далеко, в Москве, на сцене Кремлевского Дворца съездов, на одном из Всероссийских смотров сельской художественной самодеятельности. На сцене наши знаменитые корякские "Чайки". Ведет их тетя Настя, Анастасия Васильевна... Сильно волнуется. Мы говорим:

— Тетя Настя, вспомни Карагу, море...

И только потом, словно сквозь сон, слышим:

— Золотой номер! Молодцы, "Чайки"!

Наша "Чайка", камчатская "Чайка" выдержала и это испытание. Лауреат смотра, глава Советской власти на селе всегда среди молодежи...

Вот молодежь ставит новый балет "Девушка и цветок". Консультант и помощник — Анастасия Васильевна. Она не только председатель и зритель, но и, как самый заядлый участник самодеятельности, болеет за всех.

Я видел ее смеющуюся, видел строгую и добрую, как мать, и мне, как и многим моим землякам, приятно сказать теплое слово Анастасии Васильевне:

— Спасибо тебе, дочь Караги, дочь Корякии, за все, что ты делаешь для родины! Хайлем!

Создавать красоту на сцене — нелегко, строить красивую жизнь людей значительно трудней. Я всегда вспоминаю слова, сказанные бабушкой Эльмой, матерью Насти:

— Жизнь, подаренная Родником, должна быть красивой!

И когда сегодня шустрый, черноглазый малыш зайдет в просторный класс Карагинской школы, пусть он никогда не забывает те далекие годы из жизни матери, воспитавшей такую дочь, и прекрасные слова из ее песни:

"У внуков моих будут красивые, как звезды, глаза. Они никогда не будут плакать от дыма, никогда!"

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Гропянов. «Никогда не предамся я лени...»	3
Стихотворения. Поэмы	7
Земля отцов	9
Последнее камлание	17
Чайки на черном снегу	24
Мальчик, сын мой... <i>Отрывки из поэмы об отце</i>	34
Не бросайте кости вечером в костер	37
Струйка. <i>Поэма</i>	69
Ыммэ. <i>Поэма</i>	74
Оленуха Машка. <i>Поэма</i>	81
Последний выстрел. <i>Поэма</i>	87
Гамул. <i>Дневниковая повесть о Гоше Поролове</i>	93
Родной ветер. <i>Главы из романа</i>	133
Рассказы	163
Ложка с узорами	164
Сын	171
Бубен Ивика	174
Лесновское Ололо (очерк)	181
Дневники	221
Амто, Москва! <i>1965 год</i>	223
Родной ветер. <i>Ноябрь 1970 — декабрь 1971 гг.</i>	240
Я в Седанке посадил березку. <i>Седанка, сентябрь — октябрь 1972 года</i>	274
Эссе	293
Айхал — страна алмазов	295
Дорога — это встречи. <i>Из блокнота писателя</i>	299
Ох, маштер Шаша!	304
Генацвале	306
Камчатська береза	308
Тумми	309
«Что-то так обрадовало, что не забудешь...»	312
Гошин зоопарк	314
Гоша-«заяц»	317